

О.В.Корнилова

На грани войны: американско-мексиканские отношения и соглашение Морроу—Кальеса (1925—1927)

В середине 1920-х годов между США и Мексикой сложились напряженные отношения. Они были обусловлены конфискационной политикой мексиканского правительства в отношении иностранной собственности, истоки которой были заложены в тексте новой Конституции 1917 г. С принятием в конце 1925 г. закона о порядке осуществления ст. 27 Конституции Мексики в отношении нефтедобывающих компаний США столкнулись с необходимостью защиты прав собственности своих граждан. Отношения между странами балансировали на грани войны. Региональному конфликту был положен конец только после заключения соглашения Морроу—Кальеса в 1927 г.

Ключевые слова: вооруженная интервенция, дипломатия, закон о нефтяной деятельности, соглашение Морроу—Кальеса.

После принятия в 1917 г. Мексикой Конституции, одно из положений которой касалось национализации иностранной собственности, американско-мексиканские отношения были обречены проходить проверку на прочность. Камнем преткновения стала 27 статья основного закона, в соответствии с которой государство получило право на владение «всеми естественными соединениями углеводородов (нефтью), находящимися в его недрах». Отношения между США и Мексикой накалились до такой степени, что военное вторжение для защиты прав американских граждан обсуждалось на правительственном уровне в Вашингтоне, а в Мексике грозили поджогом месторождений. Никогда позже обе страны не допускали возможности применения силы в урегулировании конфликтных ситуаций.

Так повелось, что, начиная с 1917 г., спорные вопросы между США и Мексикой разрешались путем заключения устных договоренностей, которые из-за отсутствия письменных соглашений потенциально содержали в

Ольга Викторовна Корнилова — аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (kornilovasol@gmail.com).

себе угрозу будущих конфликтов. Инициаторами обострения отношений были не Соединенные Штаты, а правящие круги Мексики: к власти пришла очередная администрация, которая отказывалась от данных предшественниками обязательств. В 1925 г. первой негласные правила нарушила Мексика, приняв законодательство, касавшееся признания недр земли собственностью государства. В связи с этим иностранным нефтяным компаниям, как американским, так и английским, требовалось получить от местных властей письменное разрешение на бурение нефтяных скважин. Именно поэтому подобная процедура обесценивала смысл владения зарубежными собственниками нефтеносной землей: предстояло получать разрешения на деятельность в ходе сложной бюрократической процедуры, установленной мексиканским государством¹. В соответствии с этим законом, который был призван разъяснить порядок осуществления ст. 27 Конституции в отношении нефти, подтверждалось, что все недра земли, лежащей в пределах государственной границы, принадлежат государству. Земельная собственность иностранных граждан, таким образом, делилась на поверхностный слой земли (почву) и ее недра. Вследствие этого владельцы становились собственниками только слоя земли, глубина которого не превышала и десятка метров. На такой земле можно было разбить огород, но не вести добычу «черного золота». Ряд ограничений также был наложен на владельцев приграничных и прибрежных территорий, расположенных в стратегически важных районах. До поры до времени государство закрывало глаза на существовавшие десятилетиями «погрешности», но в нефтяном законе 1925 г. иностранная собственность трактовалась уже в сугубо конфискационном ключе.

На протяжении 1926 г., сразу после того, как закон был обнародован, владельцы нефтяных компаний в буквальном смысле засыпали мексиканские суды целой серией исков, а государственный департамент США — нотами протеста с настойчивыми требованиями незамедлительно вмешаться в ситуацию. Так, американская нота протеста от 10 ноября 1926 г. привела к тому, что «The New York Times» даже решилась намекнуть, что отношения США с Мексикой оказались на грани дипломатического разрыва². Однако генконсул Мексики в Нью-Йорке после разговора с сенатором Уильямом Бора сообщил своему правительству, что намерение разорвать дипломатические отношения исходило не из Вашингтона. Во многом такие мысли витали в кругах представителей американского нефтебизнеса. В январе 1927 г. они всерьез обсуждали вопрос о полной приостановке работы нефтедобывающих вышек, чтобы оказать давление на мексиканское правительство. Однако начавшийся спад производства, сопровождаемый снижением налогов, заставил их прежде, чем отважиться на такое серьезное решение, дважды подумать. Именно поэтому 27 апреля нефтяные бароны избрали совершенно иную линию поведения, решив продолжать вести бизнес, как прежде, невзирая на отсутствие у них специальных разрешений на бурение. По сути, данное решение являлось вызовом местным властям, отказом следовать букве закона.

Под давлением Вашингтона мексиканское правительство было вынуждено осознать, что противостояние нефтяных компаний, за спиной которых стоял Белый дом, не оставляло никакого иного выбора, кроме как пойти на определенные уступки. Между тем положение президента Плутарко Элиа-

Президент Мексики Плутарко Элиас Кальес

Petroleum Producers in Mexico, APPM), объединявшая американских дельцов в Мексике, намеревалась открыто бросить вызов мексиканскому правительству. В ее намерения входило еще большее обострение ситуации, чтобы спровоцировать решительные действия со стороны правительства Соединенных Штатов. Она имела тесный контакт с американским посольством в Мексике, а посол Джеймс Р. Шеффилд был сторонником силового решения конфликта. В течение уходящих месяцев 1926 г. и первой половины 1927 г. он призывал Госсекретаря Фрэнка Биллингса Келлога придерживаться жесткой линии, аргументируя это тем, что, если Соединенные Штаты будут последовательно отстаивать свою позицию, то им удастся добиться поставленной цели. Посол считал, что Кальес не осмелится сделать и шага против компаний, чувствуя за ними поддержку Белого дома, несмотря на то, что теоретически по закону 1925 г. компании лишились собственности на нефтяные месторождения. Дипломат был убежден, что пришло время усилить поддержку нефтяных компаний со стороны правительства Соединенных Штатов.

И посол, и глава госдепартамента на протяжении длительного времени выступали за отмену эмбарго на поставки оружия в Мексику, считая, что этот шаг автоматически развязывает руки оппонентам Кальеса³. Шеффилд докладывал своему руководству, что, если мексиканцы решаться на остановку работ нефтекомпаний, то этот шаг станет неопровержимым доказательством нарушения собственности прав американских подданных. Из такой постановки проблемы следовало, что любые действия, которые потребуются предпринять правительству США для защиты интересов своих граждан, будут оправданы не только с моральной, но и с политической точки зрения.

Реакция мексиканского правительства была примерно такой, какую и следовало ожидать: оно обложило новыми штрафами «мятежные» компании и закрыло нефтескважины, в которых работы велись без разрешения местных властей. Однако представители американского нефтебизнеса про-

са Кальеса было весьма затруднительным. Он оказался, так сказать, между молотом и наковальней: генерал стал президентом преимущественно и при поддержке профсоюзов и крестьянских объединений, требовавших углубления демократических реформ. Апеллируя к опыту европейской социал-демократии, он поддержал необходимость проведения земельных реформ, в том числе ограничение собственнических прав иностранцев на природные ресурсы. Однако последовательное выполнение взятых на себя обязательств неминуемо сталкивало его с сильным северным соседом.

Между тем, чувствуя поддержку из Вашингтона, Ассоциация производителей нефти (the Association of

должали нагнетать ситуацию. Они самовольно «распечатали» скважины и возобновили свою деятельность. Руководство нефтяных компаний в буквальном смысле «бомбардировало» Государственный департамент непрекращающимся потоком требований о защите своих прав. Они были едины в недовольстве грядущим и уже неминуемым вступлением в силу конфискационного законодательства. Основные негативные моменты, не дававшие покоя нефтяникам, сводились к отказу мексиканских властей предоставлять разрешение на продолжение деятельности до тех пор, пока американские собственники не признают закон, наносивший, по сути, вред их материальным интересам. Объектами их возмущения стали факты насильственного запечатывания скважин, наложения эмбарго на работу компаний, отказавшихся платить штрафы, признания законности претензий третьих сторон на земли американских собственников⁴.

Со своей стороны правительство Кальеса не могло допустить, чтобы открытое неповиновение иностранцев мексиканскому законодательству оставалось безнаказанным, поэтому были направлены войска, чтобы вновь запечатать скважины. Начиная с 1926 г. Кальес постоянно твердил, что определенные американские круги, лоббировавшие интересы нефтяных компаний, стремятся заставить Мексику пойти на попятную, хотя этого они вряд ли добьются⁵. Все это означало, что региональный конфликт давно перешел из плоскости экономической в плоскость политическую и вполне реально мог вылиться в вооруженное противостояние. В этой связи Луис Наполеон Моронес, министр промышленности, торговли и труда в мексиканском правительстве, информировал прессу о готовности использовать вооруженную силу, если потребуется, чтобы удостовериться в выполнении правительственных решений. Нарушители «Gulf» и «Transcontinental Petroleum» были оперативно уведомлены об аннулировании их прав. В то время американский посол Шеффилд находился в рабочей поездке, и на долю поверенного в делах Артура Шенфельда выпала неприятная миссия известить Вашингтон об очередном «конкретном случае» нарушения прав нефтяных компаний со стороны местных властей.

Правда, позже Моронес конкретизировал свою позицию, заявив, что разрешения на бурение будут отменены для компаний, которые отказываются согласиться с заменой статуса собственника на статус концессионного договора, как правило, заключавшегося на ограниченный срок. В ответ американское посольство ходатайствовало перед Белым домом о прямых действиях в защиту нефтяных компаний, требовавших урегулирования конфликтной ситуации⁶. По словам их руководства, американское правительство должно напрямую связаться с Мексикой и договориться о подписании соглашения, если такое потребуется.

Возможность интервенции стала практически осязаема. В связи с этим Кальес даже отдал распоряжение ответственному за зону нефтяных разработок генералу Ласаро Карденасу и подведомственному ему военному контингенту быть готовыми в случае начала вооруженной интервенции США поджечь нефтяные месторождения, принадлежавшие иностранцам⁷.

В этой ситуации в январе 1927 г. Госсекретарь Келлог представил Конгрессу доклад, озаглавленный «Цели и политика большевиков в Мексике и Латинской Америке». Это документ, который был подготовлен за несколько месяцев до предстоявшего выступления, изображал режим Кальеса оча-

Президент США Джон Калвин Кулидж

гом коммунистической агитации. Тогда же президент Джон Калвин Кулидж обвинил Мексику в оказании помощи «восставшим» в Никарагуа. Правда, доказательства тому были спорными. Даже американская пресса не смогла найти им подтверждение. Однако здесь было важно другое: угроза достигла намеченной цели. Во всяком случае, Ассоциация производителей нефти не упустила времени, чтобы разнести громким эхом обвинения, озвученные Белым домом в адрес Мексики⁸.

Эти события не на шутку встревожили мексиканского посла в Вашингтоне Хоакина Тельеса, поэтому в середине января он обратился с просьбой к своему правительству отложить любые действия, направленные против нефтяных компаний.

По его мнению, малейшее движение против них могло не только спровоцировать открытый вооруженный конфликт между двумя странами, но и разрушить последние надежды на возможность разрешения спора через арбитраж. В такой ситуации мексиканское руководство решило занять выжидательную позицию.

К середине 1927 г. межправительственный кризис, ведущий к развязыванию решительных действий, достиг апогея. И в американских, и в мексиканских кругах действительно опасались, что администрация Кулиджа сделает выбор в пользу вооруженного конфликта⁹. Ряд американских исследователей сходится во мнении, что при поддержке общественного мнения американский президент мог продолжать «гнуть свою линию». Его политику активно поддерживали Госсекретарь Келлог и посол Шеффилд с их неприятием «зараженной большевизмом» Мексики.

Однако конфронтация между странами не приобрела вооруженной формы, главным образом из-за наличия в США весомой оппозиции силовому решению проблемы. Кулидж был вынужден отказаться от применения силы, опасаясь за успех республиканцев на предстоявших в 1928 г. президентских выборах. Данное решение президента было встречено в штыки американскими нефтяными магнатами, обвинившими его в том, что он своим решением попросту бросил на произвол судьбы собственность американских граждан за границей.

Конгресс США поддержал позицию Белого дома, высказавшись в пользу мирного разрешения ситуации. Таким образом мексиканцы были вынуждены следовать тем же путем. Выступая 9 января 1927 г., Кальес заявил, что единственным способом уладить конфликт явилась бы передача дела на рассмотрение в Гаагский суд или другой подходящий международный трибунал, хотя, строго говоря, с его точки зрения, у Мексики не было оснований предоставлять свои суверенные права на рассмотрение арбитражного суда.

Мексиканский президент неоднократно задавал риторический вопрос: с какой стати Мексика должна отчитываться в международном суде за свое суверенное право принимать те или иные законы? Казалось, что точку в споре поставило решение сената США, принявшего 5 января 1927 г. резолюцию в пользу арбитража для защиты прав собственности американских граждан¹⁰.

Но президент Кулидж категорически отказался поддержать план передачи «собственнических прав» американских граждан на рассмотрение в международную судебную инстанцию из-за его бессмысленности. Логика Кулиджа была такова: если бы суд принял решение в пользу американских компаний, то мексиканское правительство все равно не имело средств, чтобы возместить материальные потери иностранцам. По его мнению, любая экономически слабая страна должна воздержаться от обращения в международный суд в подобных обстоятельствах¹¹. Между тем в государственном департаменте придерживались иной точки зрения, понимая, что у Мексики есть хорошие шансы добиться вынесения решения, благоприятного для мексиканской стороны.

Замысел Кулиджа был иным, поскольку он обоснованно сомневался не только в принятии международным трибуналом решения о выплате компаниям компенсации, но и о внесении изменений в правовой статус нефтяных собственников. В такой ситуации шансы на принятие поправок в нежелательное для американцев законодательство становились все более проблематичными. Вот почему Кулидж планировал продолжать давление на мексиканские власти до тех пор, пока они полностью не откажутся от замыслов по реформированию нефтяного сектора.

Ассоциация производителей нефти в Мексике во многом поддерживала позицию Кулиджа. По словам ее секретаря Гая Стивенса, для арбитража было выбрано крайне неудачное время, так как казна администрации Плутарко Кальеса, столкнувшейся с глубоким финансовым кризисом, была пуста. Вот почему ни о какой выплате компенсаций материальных претензий американцам не могло быть и речи. Более того, Ассоциация подвергла критике саму идею арбитража, которая, по ее мнению, противоречила принципам международного права, так как защита граждан за границей является суверенным правом страны¹².

Для характеристики позиции американской стороны показательным выступление Кулиджа перед Ассоциацией прессы 25 апреля 1927 г., где он отвел отношениям с Мексикой значительную часть своей речи. В ней президент стремился разъяснить не только суть настоящих противоречий, но и дать обширный экскурс в историю двусторонних отношений. Прежде всего он вспомнил о 1857 г., когда в Мексике была принята конституция, по которой многие иностранцы приобрели в собственность те или иные владения. В этой связи он категорически высказался против самой идеи арбитража¹³. Однако пик напряженности между странами, выразившийся в «бряцании оружием» с обеих сторон, был пройден, поэтому Кулидж рад сообщить американской прессе свежую информацию, полученную от мексиканского посла: «Мексика не намерена конфисковать нашу собственность, она проявила усердие в наказании тех, кто убивал наших сограждан, и выразила желание, которое мы полностью приветствуем, о сохранении с нами дружеских отношений», — заявил он¹⁴. Острота конфликта была снижена по двум причинам. Во-первых, Кальес не предпринял никаких мер, чтобы

Прием посла Д.Морроу президентом П.Э.Кальесом

лишить прав компании, деятельность которых не соответствовала букве нового закона. Во-вторых, настроения в пользу мирного решения регионального конфликта были крепки не только в конгрессе США¹⁵, но и среди общественности в целом.

Немаловажным фактором, повлиявшим на изменение Кулиджем своего решения, стало похищение мексиканскими агентами конфиденциальных документов из посольства США, подтвердивших догадки о замыслах ряда высокопоставленных государственных мужей устроить государственный переворот с целью свержения Плутарко Кальеса. В таких условиях в ход пошел метод шантажа. Мексиканский президент в доступной форме объяснил Вашингтону, что он намерен сделать эту информацию достоянием международной общественности, если Со-

единенные Штаты пошлют войска в Мексику. Белый дом призвал провести внутреннее расследование и выяснить, имел ли место факт пропажи материалов в госдепе, и являются ли попавшие в руки мексиканцам источники подлинными. Вскоре госдепартамент выступил с резким отрицанием их подлинности¹⁶. Тем не менее, вполне допустимо, что эти документы имели место и являлись неоспоримым доказательством враждебного отношения к Мексике госсекретаря Келлога, не желавшего мириться с проявлением мексиканского национализма в отношении частной собственности.

Начиная с июля 1927 г., Белый дом начал серьезно думать относительно смены ориентиров в мексиканской политике. Выбор более реалистичного внешнеполитического курса занял приблизительно два месяца; все это время Соединенные Штаты обходились без посла в Мексике.

Перемены в двусторонних отношениях начались после прибытия в Мехико нового посла Дуайта Морроу. В Мехико он был известен тесными связями с домом Моргана. Инструкции, полученные им от госсекретаря Келлога, на этот раз строго-настрого исключали оказание какого-либо давления или насилия по отношению к местной власти. Их смысл был заключен в словах: «Берегите нас от развязывания войны с Мексикой!»¹⁷. Началом нового периода в американско-мексиканских отношениях стал благодушный телефонный разговор, состоявшийся между президентами Кальесом и Кулиджем 30 сентября 1927 г.¹⁸.

Ситуация зримо изменилась после предоставления послом Морроу верительных грамот 29 октября 1927 г.¹⁹. На нем лежала ответственность за вывод двух стран из состояния кризиса. И он, не теряя времени, дал понять, что отношения между США и Мексикой перешли в новую фазу. По

мнению исследователей, Морроу стал проводить в жизнь теорию, которую можно охарактеризовать как «моральное попечительство». Для него она была подходящей основой для отношений между сильным и слабым игроками в деле урегулирования нефтяного противостояния. Первый шаг, который предпринял Морроу, касался установления прямых контактов с ключевыми фигурами в мексиканской правящей элите. К ним он отнес не только президента Кальеса, но и всех более или менее значимых политиков (включая лидеров коммунистической партии). Новый посол взял на себя обязательства по созданию атмосферы доверия во взаимоотношениях с общественностью Мексики в целом. Используя талант убеждения, Морроу целенаправленно убеждал каждого политика и общественного деятеля, что основные положения мексиканской политики в сфере нефтебизнеса должны согласовываться с американскими интересами. Злые языки поговаривали, что в Мексике не осталось ни одного министерства, которое бы не пользовалось полезными рекомендациями и советами господина Морроу, и что его «опека» коснулась даже министра финансов, которого он обучал расчетным делам.

Плоды персональной дипломатии не заставили себя долго ждать. Американскому послу удалось установить открытые и неформальные связи с Кальесом и членами его кабинета, при этом особенно хорошие отношения сложились у него с исполняющим обязанности министра иностранных дел Хенаро Эстрадой и министром промышленности Луисом Наполеоном Моронесом. Так, во время одной из таких доверительных бесед Эстрада передал послу, что Кальес хочет, чтобы все дела велись исключительно с ним²⁰.

Морроу проявлял большой интерес ко всему, что в какой-либо степени имело отношение к американским интересам. Его целью было найти точку соприкосновения, приемлемую для обеих сторон. Кальес, в свою очередь, на время отложил публичные выпады против вмешательства иностранцев во внутренние дела Мексики. Весь последний квартал 1927 г. отношения между двумя странами стремительно улучшались, особенно контрастируя с перспективой угрожавшей еще пару месяцев назад интервенции. Но у всего была цена. По мнению американских ученых, после того, как Морроу был назначен послом, иностранцы, владеющие собственностью в Мексике, оказались обласканы местной властью, в то время как первостепенностью интересов зарождавшегося местного мексиканского бизнеса пренебрегли. Инициативы профсоюзов по улучшению условий труда на иностранных предприятиях пресекались мексиканским правительством на корню. Антиклерикализм, столь докучавший американским гражданам в Мексике, был приглушен. Реализация аграрной реформы была приостановлена.

Тем не менее главным для Морроу оставался вопрос об урегулировании спорных проблем в нефтебизнесе, в соответствии с замыслом, обозначенным Кулиджем. От посла требовалось заключить с мексиканским правительством очередное соглашение, предоставлявшее американским компаниям возможности легальной работы в Мексике. Следующим по логике шагом считалось узаконивание их деятельности через решение Верховного суда Мексики в пользу интересов США в регионе. Для этого Морроу неоднократно встречался с юристами, представлявшими интересы компаний, и сообщая ими был разработан план действий.

Особенно большую помощь Морроу оказал Джошуа Рубен Кларк, ставший впоследствии очередным послом США в Мексике. С ним Морроу предельно внимательно изучил все юридические случаи, имеющие отношение к нефтяному вопросу. Наиболее тщательно они отнеслись к решению, вынесенному по делу «Texas Oil» во времена правления Каррансы. В центре их внимания оказалось соглашение Уоррена—Пейна, в котором упор делался на параграфе 4 ст. 27 Конституции, где говорилось о том, что Основной закон не носит ретроактивного характера в отношении компаний и, следовательно, не распространяется на события, произошедшие до введения его в действие. Кроме того, в соответствии со ст. 14 Конституции, ни один закон не мог иметь обратной силы. В этих судебных прецедентах был заложен ключевой принцип, который можно было бы распространить и на дела других компаний, а для этого необходимо было сделать его прецедентом посредством решения Верховного суда.

В первой половине ноября 1927 г. был проведен ряд неформальных встреч между президентом Кальесом и послом Морроу²¹. Решающей из них стала встреча 8 ноября. На ней долгожданный консенсус был найден. По согласованию с сотрудниками американского посольства на эту встречу Морроу направился один. В тот же день в письме госсекретарю он подробно изложил события этого дня²². По его словам, разговор продолжался полтора часа, при этом друг президента Кальеса Джеймс Смиттерс выступал в качестве переводчика. На переговорах также присутствовал зять президента Кальеса Томас Робинсон, который был гражданином США²³.

Президент Кальес начал переговоры, прямо спросив посла Морроу, какое решение может быть найдено по нефтяному конфликту. Посол очень медленно при помощи переводчика, который переводил его слово за словом, объяснил суть прецедента по делу «Texas Oil», позволившего найти необходимую лазейку в законодательстве. Он говорил, что, если аналогичное решение успешно пройдет через Верховный суд, то впоследствии суды местных инстанций будут выносить решения, ориентируясь на итоги этого дела. Выслушав американского посла, Кальес изложил свое видение ситуации. По его словам, мексиканское правительство никогда не изъявляло желания проводить конфискацию собственности, и что закон 1925 г. был в сложившейся ситуации необходимым актом, так как режим управления страной на тот момент оказался в руках радикального крыла, требовавшего кардинальных изменений. Кальес предложил заменить отчуждаемое бессрочное право собственности 50-летним сроком с правом пользоваться недрами. В ответ Морроу заявил о своих опасениях в том, что при последующих администрациях этот срок может быть сокращен до 30, 10 лет, а может, и до одного года.

Президент поинтересовался, разрешит ли использование прецедента по делу «Texas Oil» главное противоречие между странами в сфере нефтебизнеса. На это он получил утвердительный ответ. И тогда Кальес заверил посла в том, что соответствующее решение можно ожидать в течение двух последующих месяцев. Через Моронеса Кальес обратился напрямую к членам Верховного суда, требуя от них приступить к процедуре, обговоренной ранее с Морроу. Выполняя социальный заказ президента, судьи 17 ноября вынесли соответствующий вердикт. В нем говорилось, что принадлежащие иностранным владельцам права не могут быть аннулированы, если они

Счастливого Рождества от дядюшки Сэма. The New York Times, 24.XII.1927

были приобретены до введения Конституции в действие. Большинство американских собственников обладало правами, полученными ими еще до 1917 г., поэтому от них просто требовалось подтвердить права своего владения, в противном случае их статус мог быть изменен.

Белый дом остался доволен решением мексиканских властей: отмена необходимости получать разрешения на бурение позволяла собственникам возобновить производственные операции на нефтяных вышках. Кроме того планировалось внести изменения в принятый закон о нефти в пользу иностранцев. Однако, в отличие от официального Вашингтона, нефтяные компании во главе с Ассоциацией производителей нефти не выказывали столь явного одобрения достигнутому компромиссу. Гай Стивенс, секретарь АРРМ, заявил о неудовлетворенности решением Верховного суда Мексики, поскольку в своей основе оно лишь подтверждало конфискационную направленность мексиканского законодательства, так как нефтяные компании были обязаны подтверждать свое право на владения собственностью²⁴. Тем

не менее заместитель госсекретаря Роберт Олдс информировал посла Морроу, что отдельные проявления недовольства с их стороны не отражают официальную позицию государственного департамента. Конечно, здесь угадывалось явное нежелание Белого дома вносить коррективы в только что улаженный механизм конфликта, тем более что внесение поправок в нефтяное законодательство еще только предстояло одобрить мексиканскому конгрессу.

Для закрепления положительного сдвига в общественном мнении Мексики правительство США направило в качестве посла «доброй воли» Чарльза Линдберга, героя первого беспосадочного трансатлантического перелета. Учитывая всемирную популярность полковника, его длительный визит в Мексику должен был стать подарком южному соседу, жестом «доброй воли», лишенным политической составляющей²⁵. В ответ Кальес направил текст поправок в конгресс, который в последние дни уходящего года, а именно 28 декабря 1927 г., внес ряд изменений в нефтяной закон 1925 г. Хорошие новости из Мексики были изложены американцам в воодушевляющей по тону передовице «New York Times», в которой говорилось, что мексиканский парламент внес поправки в закон, вступившие в силу 3 января 1928 г.²⁶. Американская общественность встретила главную новость уходящего года единодушным ликованием.

Внесенные мексиканским конгрессом изменения в закон о порядке осуществления ст. 27 Конституции в отношении нефтересурсов можно считать победой американцев. Неслучайно Белый дом объявил, что шаги, которые были предприняты Мексикой в отношении нефтяного законодательства, положили конец спорам, длившимся более десяти лет, и, что любые конфликты, которые возникнут в будущем, будут решаться в мексиканских судах без какого-либо дипломатического вмешательства. В докладе конгрессу о положении в стране от 6 декабря 1927 г. Джон Кулидж акцентировал особое внимание на мирном урегулировании двустороннего конфликта. В абзаце, отведенном отношениям с южным соседом, он неоднократно использовал слово «мир» и его синонимы: «Это политика Соединенных Штатов по укреплению мира. Мы мирные люди и являемся приверженцами разрешения споров путем мирного, а не силового урегулирования»²⁷. Что же касается острой конфликтной ситуации между двумя странами, то она была представлена в виде «некоторых разногласий с Мексикой относительно ущерба нашим гражданам и их собственности». Свои разглагольствования по мексиканскому вопросу президент США закончил словами не только об уважении мексиканского суверенитета, но и призывами сочетать терпение со снисходительностью. Проправительственная пресса в лице «New York Times» полностью поддержала соглашение Морроу—Кальеса, провозгласив, что разногласиям в сфере нефтебизнеса положен конец²⁸.

Процесс урегулирования конфликта между двумя странами включал два этапа: в 1926 г. произошло нагнетание ситуации как со стороны пострадавших американских собственников, поддержанных Белым домом, так и со стороны мексиканских властей. В первой половине 1927 г. начался поиск компромисса властвующими элитами обеих стран, в частности, была произведена смена послов. В конце 1927 г. после тщательного анализа ситуации и нависшей вероятности перехода конфликта в военную плоскость Вашингтон пересмотрел свою политику в отношении Мексики и избрал

путь примирения, прекратив явно поддерживать интересы нефтебизнеса. В итоге к концу 1927 г. противоречия были урегулированы на межгосударственном уровне. Однако столкновение интересов в сфере нефтедобычи не могло полностью исчезнуть. После приведения позиций конфликтующих сторон к некоторому общему знаменателю иностранный капитал продолжал занимать доминирующие позиции в стране, а это вступало в противоречие с интересами мексиканской правящих кругов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS), 1926, vol. II, p. 605—676. Здесь и далее: University of Wisconsin Digital Collection. — <http://uwdc.library.wisc.edu>

² The New York Times, 11.XI.1926.

³ The Ambassador in Mexico (Sheffield) to the Secretary of State. Mexico, 1.VI.1927. — FRUS, 1927, vol. III, p. 239.

⁴ Ibid., p. 181—183.

⁵ J. M. Callahan. American Foreign Policy in Mexican Relations. New York, 1932, p. 602.

⁶ F. Tannebaum. Mexico: The struggle for peace and bread. New York, 1956, p. 273—274.

⁷ J. M. Callahan. Op. cit., p. 607—608; J. F. Ripley. Latin America in World Politics: An Outline Survey. New York, 1928, p. 268.

⁸ L. Meyer. Mexico and the United States in the Oil Controversy. Austin, 1977, p. 128.

⁹ D. James. Mexico and the Americans. New York, 1963, p. 289.

¹⁰ S. Res. N 327, 25.I.1927. — Congressional Record, vol. 68, pt. 2, p. 2233. Washington, 1927.

¹¹ J. P. Bullington. The Land and Petroleum Laws of Mexico. — American Journal of International Law, January 1928, N 22, p. 69.

¹² The New York Times, I.1927.

¹³ Address of President Coolidge before united Press Association, 25.IV.1927., and Comments of President Calles Thereon. — FRUS, 1927, vol. III, p. 214.

¹⁴ Ibid., p. 217.

¹⁵ Congressional Record — Senate, 6.III.1926. Washington, 1926, p. 5143.

¹⁶ The New York Times, III-IV.1927.

¹⁷ H. Nicolson. Dwight Morrow. New York, 1935, p. 293—296.

¹⁸ The New York Times, 30.IX.1927; 1.X.1927.

¹⁹ Ibid., 30.X.1927.

²⁰ The Ambassador in Mexico (Morrow) to the Secretary of State. Mexico, 8.XI.1927. — FRUS, 1927, vol. III, p. 187.

²¹ Ibid., p. 190.

²² Ibid., p. 187—189.

²³ Ibid., p. 190.

²⁴ L. Meyer. Op. cit., p. 131.

²⁵ The New York Times, XII.1927.

²⁶ Ibid., 28.XII.1927.

²⁷ C. Coolidge. State of the Union Address (6.XII.1927.). — http://odur.let.rug.nl/~usa/P/cc30/speeches/cc_1927

²⁸ The New York Times, 14.XII.1927.; 14.I.1928.